

В полудрёме его чем-то накормили. Придя в себя, он никого не нашёл, даже не узнал, кто был его спасителем. В сердцах он вернулся домой и стащил из конюшни лошадь — ту самую, по имени Цветочек, — а затем отправился в горы. Он знал, что на склоне есть большое озеро, и в тот день почему-то был уверен: сегодня он наконец наестся досыта!

Цветочек не был ни рослым, ни статным, в конюшне на него и внимания-то не обращали. Только Гу Тин потихоньку выводил его время от времени прогуляться, и никто не замечал.

Видно, упорство вознаграждается, и даже железный лом можно сточить в иглу. Это была его первая добыча — он не провалился под лёд, а рыбина попалась крупная, жирная! То чувство ликования, когда даже небо кажется ярче, он помнил до сих пор.

С таким уловом, конечно, надо было сразу же его приготовить. Он уже собрался есть, как заметил под деревом человека. Тот, может, только подошёл, а может, сидел там уже давно, но Гу Тин его не замечал.

На вид человек был совсем юн, даже несовершеннолетний. Одежда — лохмотья, лицо — в грязи, на руке — рана, губы — сухие, потрескавшиеся. Он сидел, обессиленный, и выглядел откровенно жалко.

Не знаю, что на него нашло — может, радость от удачной рыбалки, — но, хоть он и был смертельно голоден и обычно жаден до еды, впервые в жизни он предложил поделиться:

— Хочешь?

Тот улыбнулся:

— Ешь сам. Я ещё с голоду не помру.

Несмотря на жалкий вид, окровавленную рану, улыбка у него была светлой и ясной, да ещё с лёгкой, едва уловимой усмешкой.

Гу Тин почувствовал несоответствие, но не придал значения. Не хочет — и не надо, ему самому мало! Он лишь отлил тому немного горячего бульона.

Незнакомец поблагодарил и сказал, что ему нужно идти, задерживаться нельзя.

Наевшись и пребывая в хорошем настроении, Гу Тин взглянул на его разорванную обувь, и сердце его сжалось от жалости:

— В таком состоянии — и ещё куда-то идти? Далеко?

Тот опустил глаза, голос его охрип:

— Да. Очень далеко.

— Раз так далеко, почему без коня?

— Конь пал.

Гу Тин замаялся, взглянул на свою лошадку, и сердце его сжалось ещё сильнее:

— Тогда... если я одолжу тебе Цветочка... ты сможешь уберечь его?

Тот, кажется, удивился, посмотрел на Гу Тиня, потом на лошадь в отдалении. Губы его дрогнули, будто от сильного напряжения:

— ...Хорошо.

В тот миг Гу Тин почувствовал, что человек даёт невероятно важное обещание. Его взгляд, скрытый за слоем грязи и ссадин, Гу Тин, наверное, помнил до сих пор: такой ясный, пылающий, непреклонный, не знающий отступления.

Такова была история Цветочка и того человека. Почему же он её забыл?

Гу Тин задумался. Наверное, потому что... потом появился Цзян Муюнь. Со своей неповторимой элегантностью и благородством, с особой теплотой и заботой. Ему, одиннадцатилетнему мальчишке, жаждущему любви и внимания, было невозможно не привязаться.

Цзян Муюнь спас его, помог ему, прошёл с ним через многие невзгоды, скрасил ту долгую, невыносимую зиму.

Хмурое небо, колкий снег — тот год стал сносным, даже счастливым, только благодаря Цзян Муюню.

Гу Тин сжал губы:

— Прости. Я забыл.

Забыл и тебя, и Цветочка.

Хо Янь спросил:

— Хочешь увидеть Цветочка?

Глаза Гу Тиня вспыхнули:

— Он... жив?

— Я всегда держу слово, — невозмутимо произнёс Хо Янь, всем видом показывая, что это пустяк. — С ним всё хорошо. Просто годы уже не те, да и к армейской службе он не годится. Живёт в усадьбе.

У Гу Тиня запершило в горле. Цветочек... его маленькая лошадка. В те серые, безрадостные дни у него не было ни друзей, ни родных. Сколько ночей он просидел, обхватив колени, у конюшни, изливая душу, и Цветочек был единственным, кто его слушал.

Как он мог? Как посмел забыть всё это, когда появился Цзян Муюнь?

Хо Янь сказал:

— Не переживай. Он, наверное, тоже тебя не помнит.

Гу Тин: ...

Какой же он несносный!

Хо Янь добавил:

— Но он умён. Если будешь с ним почаще общаться, обязательно вспомнит.

Гу Тин всё ещё корил себя:

— Да.

Хо Янь продолжил, и в голосе его прозвучала лёгкая усмешка:

— От хозяина, который и не помнит, кто его покормил, когда он в обмороке грохнулся, многого не ждёшь. Цветочек тебя простит.

— Да... Что?

Гу Тин вдруг замер, вспомнив тот день:

— ...Это... ты меня тогда покормил?

Хо Янь приподнял бровь:

— А кто же ещё?

Гу Тин испытал странную смесь чувств. Он-то думал, что это был Цзян Муюнь...

Вот почему, когда они встретились вновь и он угощал Хо Яня рыбой, тот с лёгкой насмешкой сказал: «Я ещё с голоду не помру». Тогда это показалось лишь странным, но теперь он понимал — Хо Янь слегка подтрунивал над ним.

Позже, встретив Цзян Муюня, он спросил, помог ли тот ему. Цзян Муюнь не стал отрицать, да и вправду многое для него сделал. Но теперь, оглядываясь назад, Гу Тин понимал — это было недоразумение.

Будучи юным и стеснительным, он постеснялся спросить прямо: «Это ты меня тогда накормил?» — и задал общий вопрос. А Цзян Муюнь, чья щепетильность никогда не мешала ему брать своё, с радостью приписал себе заслуги — ведь так Гу Тин будет ещё благодарнее. Даже если правда всплыла бы позже, он всегда мог отговориться: мол, Гу Тин спросил неясно. Пары извинений хватило бы, чтобы замять дело.

Именно с этого момента, с этой «милости куска хлеба» и «зимы, проведённой вместе», он постепенно попал под чары Цзян Муюня, пока не увяз по уши и не смог вырваться.

Он сам был дураком, нечего пенять на других.

Выходит, он встретил Хо Яня шесть лет назад...

Время текло, годы проходили, но суть людей не менялась. Постепенно образ того запылённого, но ещё сохранившего юношеские черты парня слился с обликом мужчины перед ним: те же черты, те же ясные, горящие глаза, та же несгибаемая воля. Только теперь его улыбка стала реже, не сверкала белизной зубов, а весь облик приобрёл отточенную резкость, смертоносную холодность и недоступное величие, утратив былую простоту.

Гу Тин сказал:

— Ты сейчас... не так хорош, как тогда.

Хо Янь посмотрел на него:

— А ты остался таким же.

Гу Тин: ...

— Когда мы встретились в Тереме Красного Шёлка, ты меня сразу узнал?

— Угу.

— Тогда почему же ты не...

— Напомнить, что именно тогда произошло?

Гу Тин поперхнулся ветром и закашлялся. Нет, умоляю, не надо! Хватит!

Было слишком стыдно: при первой же встрече он приставил нож к горлу Хо Яня, потом тот отобрал клинок, а позже им пришлось изображать «неразлучную парочку»...

Он думал, что всё просчитал: первая реакция была ошибкой, но потом он всё исправил. Ан нет, оказалось, он снова ошибался во всём. Хо Янь узнал его с первого взгляда и просто вёл его игру, подыгрывая ему!

Что он, ребёнок, что ли, по его мнению? Любит играть — так пусть играет, а он, Хо Янь, составит компанию?

Ну и жестокий же ты, как можно быть таким жестоким!

Встретившись с насмешливым взглядом Хо Яня, Гу Тин понял, что ему нечем крыть. Человек и так пошёл у него на поводу, чего ещё можно хотеть?

Он сдержанно кашлянул и резко сменил тему:

— Теперь я думаю, меня тогда не использовали. Домой я вернулся сам, лошадь вывел сам. — Я одолжил тебе Цветочка, и, возможно, это увидел кто-то со стороны.

Хо Янь кивнул — он думал так же:

— За мной тогда следили.

Раз битва была ловушкой, то за ключевыми фигурами должны были приставить наблюдателей.

Гу Тин нахмурился:

— Но почему тогда говорят, что я помог Северным Ди?

— Потому что они хотели, чтобы я увидел разгром, но не успел спасти ни единой души, — ледяным тоном произнёс Хо Янь. — Цветочек был не слишком быстр, но его скорость оказалась... в самый раз.

Вот как. Гу Тин с горечью пожалел, что не смог помочь Хо Яню больше.

Та битва стала приговором, но Хо Янь до сих пор держит лук на тетиве, не выпуская стрелы.

Значит, истинные виновники ещё не найдены, правда не раскрыта. Любая деталь шестилетней давности может быть важна. Будь он тогда пешкой, можно было бы вспомнить, с кем встречался, о чём говорил. Но всё вышло случайно...

Лазутчик Цин Сунь. Он ли следил тогда за Хо Янем? Или кто-то другой? Сегодня уже пятый день. Цин Сунь, возможно, начнёт действовать. Надеюсь, на этот раз всё получится.

— Я ещё не выразил тебе официальной благодарности. — Хо Янь сложил руки в приветственном жесте и слегка склонился вперёд. — Спасибо за лошадь.

<http://bllate.org/book/16279/1466070>